№ 22

СМЕХАЧ

НОЯБРЬ 1924 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

БАРЕ В БАРЕ

Рис. Л. Бродаты

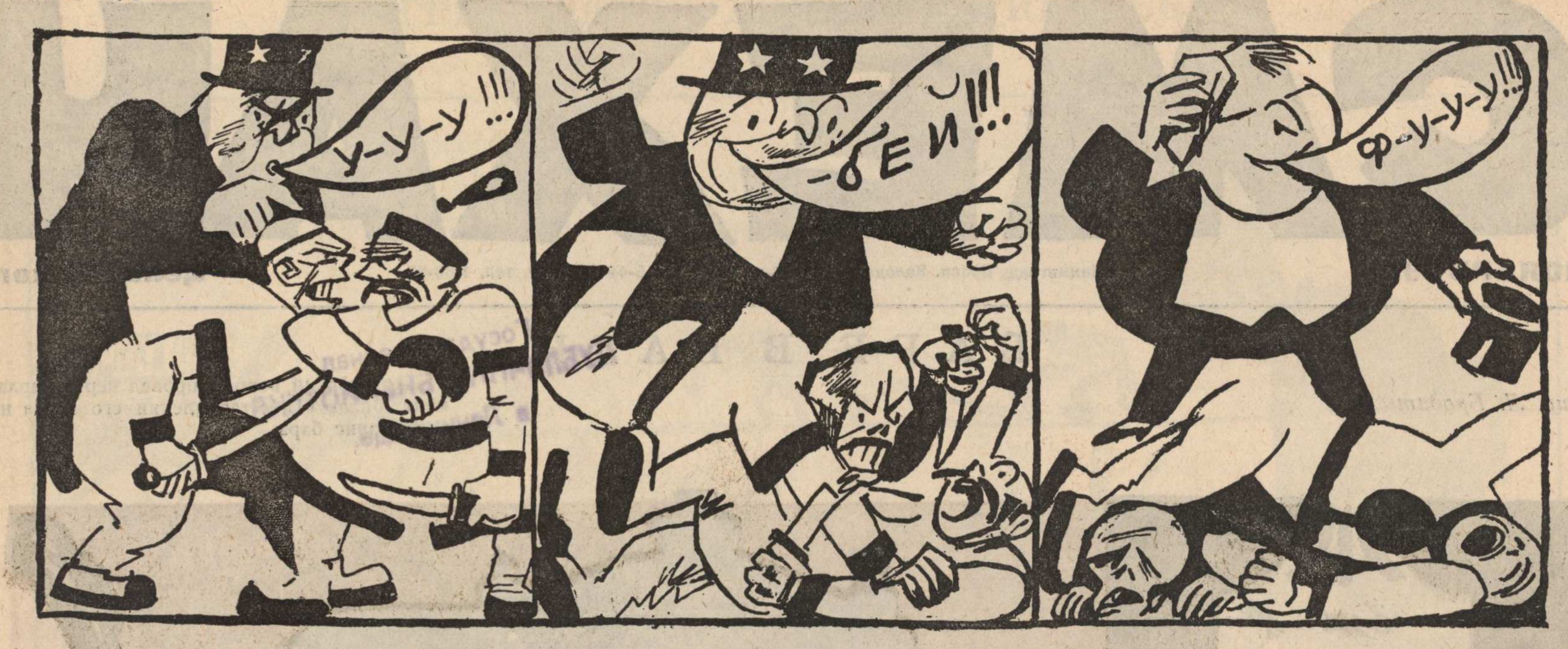
Английский король провел через парламент билль о восстановлении его права на содержание бара.

Его величество ресторатор: **Ежели господин Болдуин заплатить забудут, ничего: можно и в кредит... А энтому, который к нам — левым боком, так и скажи: денежки на стол, а нет — вот вам левый бок, а вот — порог!**

ФАМИЛЬЯРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Рис. А. Р

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

„В Берлине б. царский офицер Воронович содержит „бюро печати" по „русским делам". Здесь, повидимому, и было сфабриковано „письмо Зиновьева".

(Из газет).

Жизнь в бюро начинается рано. С утра непрестанно хлопает дверь. Идут клиенты разных званий, но больше всего корреспонденты газет всего мира. Не редкость здесь встретить и представителей того или иного правительства, или уполномоченного той или иной партии.

За большим столом восседает сам знаток русской жизни.

Подходит джентльмен:

— Что нибудь есть сегодня?

— О, сэр К вашим услугам всегда полный выбор. Вам как позволите, — из готовых вещей или по заказу?

— Ну, покажите из готовых.

— Вот разрешите предложить комплект крестьянских восстаний из 7-ми губерний, есть набор и на 10 губерний, хотя, конечно, для вас можно и поштучно.

— Гм, знаете, — морщится покупатель, — крестьянское восстание... устарело как-то...

— В таком случае, позвольте предложить товарец вполне сезонный: крах советской промышленности.

— Да, но ведь на прошлой неделе мы ее крахнули два раза подряд. Из моды вышло.

— Да, но теперь мы придали краху новый фасон: в отсутствие сырья вкрапили бунт рабочих с поломкой машин.

— А по голодной части новенького ничего?

— Скажу вам прямо, как старому покупателю: есть интересный замысел, но еще в работе только.

— А именно?

— Пустили в дело всю Московскую губернию целиком, но пока она у нас только пухнет с голоду, а к поголовному вымиранию еще не приступили. Номер будет вне конкуренции! Отделка из отдельных сценок ужасов московского голода изумительна!

— Пожалуй, оставьте мне для Америки.

— Мы эту вещь, собственно, к англо-русскому соглашению готовим, но, конечно, она и в Америке может в моду войти. Господин Юз наш старый заказчик...

— Да, конечно, — процедил сквозь зубы клиент, — но все это...

— Позвольте, позвольте! Если ваша честь не поскупится, есть и сенсация. Вот, прошу взглянуть: последний и решительный развал коммунистической партии...

— Старо...

— Извините, пожалуйста, такого развала еще не было ни разу. Это, действительно, мировой боевик! Развал теперь идет у нас с покушением Бухарина на Троцкого и, притом, все со слов очевидцев. Прошу ознакомиться.

Покупатель углубился в просмотр „боевика", а тем временем к столу, запыхавшись, подошел почтеннейший толстяк и с дипломатическим видом нагнулся к уху директора.

— Заказ можете принять в самом срочном порядке?

— В двадцать четыре часа, с доставкой на дом...

— Ну, так вот... За деньгами наша партия не постоит... Одним словом, в связи с признанием Францией СССР, нам необходимо сейчас же письмо Эррио к Зиновьеву. Понимаете?

— Помилуйте, у нас специальный отдел есть по такого рода письмам, — как не понять!

— Ну, так вот: в этом письме Эррио благодарит Зиновьева за полученные от Коминтерна деньги и обещает, знаете... что нибудь такое, коммунистическое... Это уже, словом, ваша специальность...

— Будьте покойны.

— Факсимиле подписи Зиновьева у вас есть!

— Ну, конечно.

— И печать Коминтерна?

— А как-же иначе?!

Заказ был серьезный, и директор с клиентом углубились в долгий торг.

А новые заказчики все подходили и подходили.

Петр Ашевский

ЧАСТУШКИ

(Китайские).

Привезли меня одну
Во Китайскую страну —
Сделай одолжение,
Наблюдай „движение"!

Эх, игра-игрушечка,
Новенькая пушечка,
Подле пушки, братики,
Хватики-солдатики:

Шапочки, мундирчики,
Ниточки, шарнирчики:
Ниточки да кончики
Дергают япончики.

Эх, посулы райские,
Да дороги склизкие:
Головы — китайские,
Пушечки — аглицкие.

Эх, посулы райские,
Да дороги узкие:
Животы — китайские,
А штыки — французские.

У Китая — очень строго,
У Китая — люда много,
У Китая — смутный бой
Он воюет сам с собой.

Кто-то здесь играется,
Кто-то забавляется,
А коса-то у солдата
По земле валяется.

Ну и браво — вся орава
Прет в расходную графу:
Чжан-Цзо-Лин — на Цин-Ван-Дао,
Фынь-Юнь-Сян—на У-Бей-Фу.

Но не век же будет ночь
Над восточным жителем:
Скоро скажет „руки прочь!"
Мировым грабителям.

Владимир Воинов

ПОЛЕТЕЛИ

Девятая объединенная артель кустарей два года собирала деньги на аэроплан.

И в газетах воззвания печатала, и особые красочные плакаты вывешивала, и дружескую провокацию устраивала. И чего-чего только не делала! Одних специальных собраний устроено было не меньше десятка.

А какой был подъем! Какие были мечты! Планы какие! Сколько фантазии и крови было истрачено на одно лишь название аэроплана.

На собраниях председателя артели буквально закидывали вопросами. Кустари, главным образом, интересовались: будет-ли аэроплан принадлежать всецело Добролету, или же он будет являться собственностью артели. И может-ли каждый кустарь, внесший некоторую сумму, летать на нем по воздуху.

Председатель, счастливый и возбужденный, говорил охрипшим голосом:

— Товарищи, можно! Конечно, можно! Летайте себе на здоровье... Дайте только вот собрать деньги... И тогда полетим... Эх, красота! Простор...

— Главное, что на собственном полетим, — восхищались в артели. — На чужом-то, братцы и лететь как-то неохота. Скучно на чужом лететь...

— Да уж какое там летанье на чужом, — подтверждали кустари. — На своем, братцы, и смерть красна.

Председатель обрывал отдельные восхищенные выкрики и просил организованно выражать свои чувства.

И все кустари, восхищенные новой идеей и возможностью летать по воздуху, наперерыв просили слова, яркими красками расписывали ближайшие возможности и клеймили несмываемым позором малодушных, не внесших еще на аппарат.

Даже секретарь артели, несколько унылый и меланхолический субъект, дважды отравленный газами в царскую войну, на вопрос председателя высказаться по существу, говорил:

— Без аэроплана, товарищи, как без рук. Ну, на чем лететь прикажете? На столе не полетишь. А тут захотел куда-нибудь полететь — сел и полетел. Только и делов.

Два года артель с жаром и пылом собирала деньги и на третий год стала подсчитывать собранные капиталы.

Оказалось — семнадцать рублей с небольшими копейками.

На экстренном, чрезвычайном собрании председатель сказал короткую, но сильную речь.

— В рассуждении того, — сказал председатель, — что аэроплан стоит неизмеримо дороже, куда предполагают уважаемые товарищи девать эти вышеуказанные суммы? Передать-ли эти суммы Добролету или есть еще какие предложения? Прошу зафиксировать вопрос путем голосования рук.

Голоса разделились.

Одни предлагали деньги внести в Добролет, другие предлагали купить небольшой, но прочный пропеллер из корельской березы и повесить его на стене клуба, над портретами вождей. Третьи советовали закупить некоторое количество бензину и держать его всегда наготове. Четвертые указывали на необходимость произвести ремонт в помещении кухни.

И только несколько человек, из числа явно малодушных, затребовали деньги назад.

Им было возвращено семь рублей.

Остальные десять рублей с копейками решено было передать в Добролет.

Однако, казначей распорядился иначе.

В один ненастный осенний вечер, казначей артели, Иван Бобриков, проиграл в карты эти деньги.

На экстренном, чрезвычайном собрании было доложено, что собаку-казначея арестуют, имущество конфискуют и вырученные деньги передадут Добролету с отличным письменным пожеланием

Председатель артели говорил несколько удивленным тоном:

— А на что нам, братцы, собственный аэроплан?

В сущности, на кой шут он нам сдался? И куда на нем лететь?

— Да лететь-то, действительно, как будто и некуда, — соглашались в артели.

— Да я-ж и говорю, — подтверждал председатель. — Некуда лететь. Передадим деньги в такую мощную организацию, как Добролет. А собственных аппаратов нам не надо.

— Конечное дело, не надо, — говорили кустари. — Одна мука с этими аэропланами.

— Аэроплан не лошадь, — уныло заявлял секретарь, — на лошадь сел и поехал, а тут поди, попробуй. И бензин наливай, и пропеллер закручивай... Да еще не в ту дыру плеснут бензин — и пропала машина, пропали народные денежки...

— А, главное, лететь-то, братцы, некуда, — с удивлением бормотал председатель.

Закончив вопрос о воздушном флоте и решив деньги передать Добролету, кустари перешли к обсуждению текущих дел.

Собрание заволновалось.

Мих. Зощенко

МАЛЕНЬКАЯ РАЗНИЦА

Говорили управдому мягко: Исправь дом! — не помогало.
Но потом сказали твердо: Исправдом.
Помогло.

В ИСПРАВДОМЕ.

— Эх, хотел бы я быть фрезерным станком!
— Почему?
— Да у него только один привод и ни одной судимости!

ПРОТЕСТ МИМОХОДОМ

— Тьфу!!
— Чего плюешься? Это-же консерватория.
— Оттого и плююсь: Англию вспомнил.

ТРИУМФ

Рис. А. Радакова

В декабре Госиздат выпускает обширны справочник „ВЕСЬ СССР".

— Наконец-то, Россия в моих руках!

ПО КНИЖНЫМ ПОЛКАМ

1

**Иду и вязну, словно в тюре.
Ну, как не впасть в минорный тон?
Как в осияньи, — в авантюре
Царит советский Пинкертон.
Халтурь без удержу, ребята,
Журчите деньги, как ручей,
Под храп спокойный Госиздата
И одобренье нэпачей!**

2

**Откройте „Русский Современник“
И вновь закройте, от стыда:
Меж стульев двух, как некий пленник,
Он ни туда и ни сюда.
И в позитуре этой узкой,
Другим журналам не в пример,
Он, верно, современник *русский,*
Но только не *С. С. С. Р.***

В. Н.

ИЗДАТЕЛИ

„Что за комиссия—издатель!..“

Предприимчивый человек сказал другому:

— Ах, до чего у меня чешутся руки!

Другой предприимчивый человек ответил уверенно, не задумываясь:

— Чешутся руки? Наверно, вы собираетесь заняться издательством переводной литературы.

— Как вы догадались?!—весело воскликнул первый.

— Как догадался? Это не трудно. Посмотрите на себя в зеркало: у вас, что на уме, то и на глазах. Сейчас я вам покажу калькуляцию и образцы бумаги...

— Ка-ак! Вы уже всё приготовили?

— Разумеется. Вот подсчет. Печатаем десять тысяч экземпляров. Типография— „Красный Октябрь“—я уже договорился. С десяти тысяч мы имеем чистого дохода...

— Постойте, а что же печатать?

— Вы же сами сказали переводную литературу.

— А где же она?

— Вы спрашиваете о пустяке. Я же вам говорю: типография „Красный Октябрь; десять тысяч экземпляров... вот— образцы бумаги. вот – сумма прибыли...

— Я думаю, что нужно иметь перевод какого-нибудь популярного иностранного автора.

— Конечно! Но это сущий пустяк. Этого добра сколько угодно. Например... постойте, как-же его фамилия?.. Ну... вы должны-же знать... Ах, ты, боже мой! Вертится на языке...

— У меня не вертится.

— Ну... этот... Его однофамилец имел раньше магазин духовых инструментов...

— Юлий-Генрих Циммерман?

— Ну, да! Генри. Или, например, другой... Смотрите, опять выскочила фамилия!.. У вас в кабинете его картинка...

— Маковский?

— Ах, да нет! Совсем наоборот. На „Б“ начинается.

— Бенуа?

— Конечно, Бенуа! Пьер Бенуа. Француз. Это очень кстати, в связи с признанием Франции. Вот мы и издадим роман Пьера Бенуа: „*Владелица замка на Ливане*“.

— Обождите, не так скоро. „*Владелица замка*“ уже переведена издательством „А. Ф. Маркса“.

— Что с того? Мы дадим другой перевод. Мы назовем: „Владелица *Ливанского* замка“. Совсем ново.

— Положим, не совсем: под этим заглавием владелица уже издана „Мосполиграфом“.

— Уже?! Скажите, какие жулики! А разве нельзя назвать, например, так: „*Властительница Ливана*“?.. Это, ей-богу, удачная мысль!

— Наверно, потому, что она удачна, ею и воспользовалось издательство „Мысль“, назвав перевод именно: „*Властительница Ливана*“. Могу вам сказать, что этот же роман выпущен издательством „Современные проблемы“. У них он называется „*Хозяйка большого замка*“. Как видите, уже вышли в свет четыре хозяйки.

— Очень хорошо! Заметьте, какова потребность на этот роман. Мы должны дать пятый перевод. И он нам ничего не будет стоить: я сам переведу!

— Вы?—с французского?!

— Зачем-же с французского? С четырех имеющихся русских переводов. Смотрите, какое удобство: и словарь не нужен! Одно слово из „Владелицы“, другод—из „Властительницы“, пятое—из „Хозяйки“. А название? Разве трудно придумать что нибудь оригинальное?! Итак, с десяти тысяч мы имеем...

* * *

Читатель! Если в витрине вы увидите заманчивую книжку:

„Пьер Бенуа“. *Домашняя хозяйка.* Издательство „Новинки иностранной литературы“,— суньте, несчастный читатель, обе руки под трамвай, чтобы избавить себя от соблазна и рокового заблуждения!..

Кстати, по недосмотру корректора, на заглавном листе этой „новинки“ вкралась опечатка.

Опечатка—очень кстати: – по существу вопроса.

Напечатано: *издевательство* „новинки иностранной литературы“.

Ив. Прутков

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ ХОЗЯИН

Рис. Б. Антоиовского

При череповецкой городской больнице организуется зубоврачебный кабинет, специально для крестьян.

— Вам на винте поставить зуб, или на пластинке, — вынимающийся?

— На винте не способно: вышибут. Пущай, я, лучше, выну да в карман спрячу.

СОВЕТЫ МОЛОДЫМ ХОЗЯЕВАМ И ХОЗЯЙКАМ

I

КАК ВЫВЕСТИ ПЯТНА НА СОВЕСТИ БЕРУЩЕГО ЗАВ‘А

Вывести зав‘а на чистую воду. Хорошенько обчистить и посадить в закрытое помещение на время от одного года до десяти лет, смотря по пятну. Со временем совесть приобретает прежний блеск.

II

СУШКА РЕПУТАЦИИ

Если репутация определенно подмокла, ее необходимо срочно изъять из места (города, села, местечка), где произошла подмочка, и сушить в отдалении, до отказа.

В случае отказа репутации высохнуть, мало помогает и срочное ходатайство о перемене фамилии и имени - отчества, предусмотренное действующим законодательством.

III

БОРЬБА С ВРЕДИТЕЛЯМИ В ХОЗЯЙСТВЕ

Если во вверенном вам гос-хозяйстве появились вредители, старайтесь обнаружить таковых невооруженным и вооруженным глазом, смотря по вредителю. Соберите всех вместе, посадите на скамью, приставьте охрану и объявляйте заседание губсуда открытым. Там видно будет.

Андрей Моржов

Рис. М. Добужинского

АМСТЕРДАМ

По этим плитам — вдоль канала
Стучали предков башмаки,
Шныряли шустрые менялы,
И в церковь шли ростовщики.

А ныне в камень взяты шлюзы,
Лениво плещется река,
Отсюда держит профсоюзы
Под властью хитрая рука.

Вот здесь, кляня нас суеверно,
Поближе к знатным господам
От стрел летучих профинтерна
Укрылся желтый Амстердам.

ПЛОХОЙ СЛУХ.

Рис. В. К.

25 октября в Ленинградском Губздраве проф. И. Д. Бернштейн прочел доклад по вопросу о применении музыки для медицинских целей.

— Милочка, сыграйте мне что-нибудь противотифозное

ХЛЮСТ.

Гаврилыч, путевой сторож 324 версты, тихо брел очередным обходом меж рельс. На завороте Гаврилыч приметил сутулую фигурку: мужчина в кожане, не так, чтобы очень здоровый, перематывал на ноге рыжую портянку. Гаврилычу этот мужчина с портянкой сразу не понравился.

— Ты чего?

— А что?

— Что, что — чтокает еще!.. Чего расселся тут на путе? Скорый сейчас пойдет, а он тут сидит, как дома.

— Ну, и пусть себе идет, я подвинусь.

— Подвинусь — двигатель какой нашелся! Знаем мы таких рябчиков. Сидит, быдто переобувается, а сам шпалу пальцем подковыривает. На путе штрах берут со шляющих, которы потусторонние лица.

— А ты вот ходишь?

— Я?

Гаврилыч шевельнул скулами.

— Ах, мать твою, с кем сравнял, хлюст собачий!.. Я здеся, может, главная амнистрация, тоись на целую версту, может, кажная гайка у меня в подчинении.

— Начальство! фу-ты, ну-ты, ножки гнуты.

Гаврилыч вспылил, стиснул кулаки и шагнул вперед.

— Слазь с путей, покеда я тя в канаву не шваркнул!

Мужчина сейчас же встал, выпрямился и важно поставил ногу на рельсу.

— Вы это, товарищ, кому угрозы делаете? Вы думаете, если человек портянку носит, так он два круглых нуля в республике?

Гаврилыч только сейчас заметил на кожане какой-то значек и слегка оробел.

— Товарищ, я вить не то, чтобы....

Мужчина сердито затопал ногами, взрывая песок.

— Уволю! Сокращу! Мне только резолюцию накласть, как с линии воробышком вспорхнешь.

—Ззвиняюсь, товарищ начальник, не признал... Думал, потусторонняя личность...

Мужчина приутих, хозяйски окинул глазом полотно и уткнул вниз палец.

— Это что на рельсе?

— Обнаковенно, песочек.

— Песочек? А какое законное место в транспорте для песочка? Где ему быть положено?

— Под рельцом, тоись коло шпалы.

— А у вас он на рельсы посыпан? Крушениев захотели? Смахнуть песочек! Чтоб духу песчаного не было!

Гаврилыч торопливо обтер рельсу рукавом рубахи.

Мужчина вынул сейчас же записную книжку с тоненьким карандошом, записал фамилию, участок, номер будки.

— На первый случай, понимая огромадный стаж и полную вашу нагрузку, делаю вам примечание. Заграницей, товарищ, после каждого поезда рельсы моют, а вы не можете транспорт наладить или поднять на высоту, допустим. Позор для нашей республики. Теперь, товарищ, ведите меня к сторожке, устал я от этих ревизиев.

Мужчина быстро зашагал вперед. Гаврилыч поспевал за ним, озадаченно скреб бороду и думал: ну, времена — что начальник, что хлюст, никак не разберешь. Прежде, если осмотр или что другое, проезд начальственной шишки — за три дня известно по линии. Сам шишка катит на дрезине, пузо вперед, у колеса двое рабочих пыхтят. Ну, теперь не то, нет того баловства. Этот вот ревизию наводит, а нога в рыжей портянке, и пехтурой шпарит.

В сторожке мужчина расселся, похлебал щей, угостил папиросочкой.

— Вот что, товарищ: может, у вас просьбы имеются?

Гаврилыч обтер рот ладонью, ухмыльнулся, пустил морщинки вокруг хитрых глаз.

— Как не быть? просьбов у нас много. Вся суть, ежли в разряде повышение, прибавка зарплаты, тоись по силе возможности.

Гаврилыч выпалил последнее слово и сам удивился своей просьбе. Мужчина спокойно придавил каблуком окурок.

— Пишите, товарищ, заявление, изъясните все это в письменную форму и мне подайте. Мне только резолюцию накласть, сейчас бумажка в ход пойдет.

Тут зазвонил телефон. Мужчина отстранил Гаврилыча и поспешно подошел к аппарату.

— Это ко мне, должно быть. Кто говорит? Да, здесь. 324 верста. Все в порядке? Ага, так.

Мужчина поманил к себе Гаврилыча.

— Подойдите к трубке, товарищ, вам сейчас со станции распоряжение сделают.

Гаврилыч подошел к телефону. Начальственный бас загудел в трубке.

— Сейчас, товарищ, проверка будет по линии. Всем путевым приказано не выходить из сторожки, а также не подходить к аппарату и оставаться на месте, покуда не скажут. Поняли?

Гаврилыч испуганно повесил трубку, но мужчина успокоил его.

— А вы не бойтесь, товарищ, вас это не коснется. Ну, мне надо на проверку, ревизию наводить.

Мужчина вышел из сторожки. Гаврилыч скреб бороду и туго думал о новых порядках на дороге, каких еще не бывало. Сел к столу и от нечего-делать снова принялся за простывшие щи. Сейчас пройдет скорый. Вдали уже послышался гул бегущего поезда, но только что за хреновина? Как-будто ход задерживает, тормаза дает. И верно, остановился поезд. Гаврилыч кинулся к окошку — ничего не видно, слыхать только, как паровоз тяжело пыхтит. Должно быть, на завороте стоят. А выходить не велено, сиди тут. Гаврилыч щи бросил, хлопает себя по ляжкам — удивление. Прошло так с полчасика. Вдруг опять гул послышался и сейчас же мимо сторожки с грохотом промчался один паровоз, облепленный людьми, а на ступеньках стоял знакомый мужчина в кожане. Гаврилыч не выдержал, бросился из сторожки. По полотну бежали люди из поездной бригады, и передний крикнул Гаврилычу.

— Бандиты поезд ограбили, а сами на паровозе удрали.

Передний пробежал в сторожку к телефону. Гаврилыч стоял, широко растопырив ноги.

К. Мазовский.

КЛУБНАЯ РАБОТА

Бывают такие благие порывы, которые удаются сразу, - тяп, ляп, и вышел корабль, а с другими так дело застопорится, так упрется, что хоть караул кричи,—все равно с места не сдвинешь.

Решили мы вовлечь в клубную работу наших женщин. Чем плохо? Чего вам еще надо, более жизненного? Ладно. Пораскинули мы мозгами.

— Я, товарищи,—подал совет телеграфист Пушкин,—знаю женщин, как пять пальцев. Я изучал их и по литературе и по анатомии, и по психологии. Прямым путем ничего не выйдет.

Вспомнили мы о своих женах, о конторщицах, уборщицах и вздохнули:

— Не выйдет! Хоть лопни, не выйдет!

— А поэтому предлагаю писать анонимные письма,—продолжал Пушкин,—дескать, прошу вас гражданка быть сегодня в клубе и собственными глазами убедиться, какой есть мазурик ваш супруг. Уж поверьте мне, нет такой женщины, которая не придет на такое письмо.

Подумали мы, подумали,— и нет,—говорим,—это не годится. Нужен прямой путь. Надо бить на сознательность. Скажем, мы мужчины,—почему мы заинтересовались? Потому что нам и газетку, и журнал подсунули и шахматы поставили. Вот и женщинам такое же дело нужно устроить.

— Позвольте,—сказал билетный кассир Хомяков,—есть у меня знакомый один, на разъезде 517-ой версты проживает. Он за рубль прекрасную лекцию может прочитать на тему „как варить борщ“.

Подумали мы,—чего же лучше? Об одном только и спросили,—не согласится ли, дескать, лектор бесплатно, в порядке союзной дисциплины, или хотя бы за полтинник.

— Нет, говорит,—это неудобь. Все же он лектор.

* * *

Афишу мы закатили необыкновенную. Лектора назвали знаменитым и всемирно известным, а заглавие „как варить борщ“ вырисовали таким ярким суриком, что даже в глазах рябило. Все мы пришли на лекцию, очень уж нам любопытно, как это наши жены в клубную работу втянутся.

Ровно в девять часов вечера вышел на эстраду лектор.

— Прежде чем говорить о борще,—поговорим,—говорит,—о значении профсоюзов!

Ловкий парень, чтоб ему окриветь,—два часа о союзах говорил. Сидят наши женщины, слушают. Ну, думаем, победа!

Дошел лектор и до борща.

— Для этого,—говорит,—берется, прежде всего горшок, а в него льется вода. Потом,—говорит,—в печку кладут дрова.

Конечно, нам мужчинам очень уж интересно, как борщ варят. В самом деле, сколько лет борщ едим, а все не доводилось доподлино узнать, как его варят. Слушаем во-всю и про женщин позабыли.

И только-только лектор произнес последнюю фразу—„и можете кушать свой борщ“,—глядим, а в зале ни одной женщины. Мы за ними. Я свою уже дома в сенях догнал:

— Стыдись,—кричу,—малохольная!

— Я,—отвечает,—не дура и издеваться над собой не позволю. Я тридцать лет борщ варю, а он,—не угодно ли,—берется горшок и вода! Тьфу!

* * *

Собрались мы на утро,—советуемся. Выходит, что вместо того, чтобы привлечь женщин, еще больше их от клуба оторвали.

— Ну, что же,—подал голос весовщик Козлов,—первый блин всегда комом. А что был неуспех, не беда. Я за ночь новое средство придумал. Откроем при клубе школу кройки и шитья. У меня как раз и учитель на примете есть.

— Это что, не Капелиович?

— Он самый.

Что же думаем, Капелиович хороший портной, он сможет обучить.

Пошли уламывать жен. Уламывали, уламывали, насилу уломали. Собрались на первый урок все женщины, сидят, ждут. Пришел и Капелиович.

— Уважаемые гражданки,—начал он,—вон этот предмет, что я держу в своей руке, называется иголка, а это нитка. С этими двумя...

Только он и успел сказать. Шум поднялся невообразимый. Повскакали наши женщины с мест да домой. „Издевательство“,—кричат,—не желаем,—кричат,—издевательства.

* * *

— Теперь,—сказал до сих пор молчавший ламповщик Крылов,—не иначе надо им ученую лекцию прочитать. Насчет родов, или беременности. Уж если и этим не проймем их, так тогда пиши пропало.

Громадных трудов стоило собрать женщин на лекцию. Уперлись и не идут. Опять, говорят,—про иголку будет? Все-таки пришли. Опять вышел лектор.

— Если-бы,—говорит,—гражданки, не было мужчины, то ни одна женщина не забеременела бы.

А женщины ему:

— И без тебя знаем.

А лектор попался обидчивый, злой.

— А ежели,—говорит,—знаете, так вот вам кафедра, вы и читайте.

Да и ушел.

* * *

Теперь мы до того растерялись, что и сами не знаем, что же дальше делать,—неужели и правда надо начать анонимки писать?

Евграф Дольский

МУЧЕНИК НОТ'а

По комнате сосед, весьма лохматый некто,
С утра-уже трубит в икающий фагот.
Ну чем виновен я, что издает Музсектор
Так много нот?!
К хозяйке путь держу, в своих словах упорен,
— Нельзя-ли тишины, столь нужной для работ?
Мы с нею шлем жильцу толково, как Чичерин,
Ряд нот
И съехал-бы давно (Весь—мир не только Мойка),
Квартиру и слепой везде найдет.
Да вскочит переезд (два стула, стол и койка)
В банкнот.
С фаготом увлечен горячим пререканьем,
Ладонью нервно тру на лбу холодный пот.
На службе-же скандал. Опять, мол, с опозданьем!
Есть... НОТ.
От нот осатанел. Ни пить, ни есть, ни спать я
Спокойно не могу, под тяжестью забот,
И эти вот стихи пишу... пишу... (проклятье!)
В блок-нот.

К. Шелонский

СПЕЦ-ЗАБЫВЧИВОСТЬ

На Кольчугинском заводе, Владимирск. губ., в 4 новых домах, предназначенных для 160 семейных рабочих, строительный отдел забыл занумеровать комнаты, и поэтому переселение в новые дома жилищным подотделом не производится. („*Труд*“)

Рис. Б. А.

— Гм!.. Для чего же, однако, я завязал узелок?... Ах, да! *Не забыть поселить рабочих.*

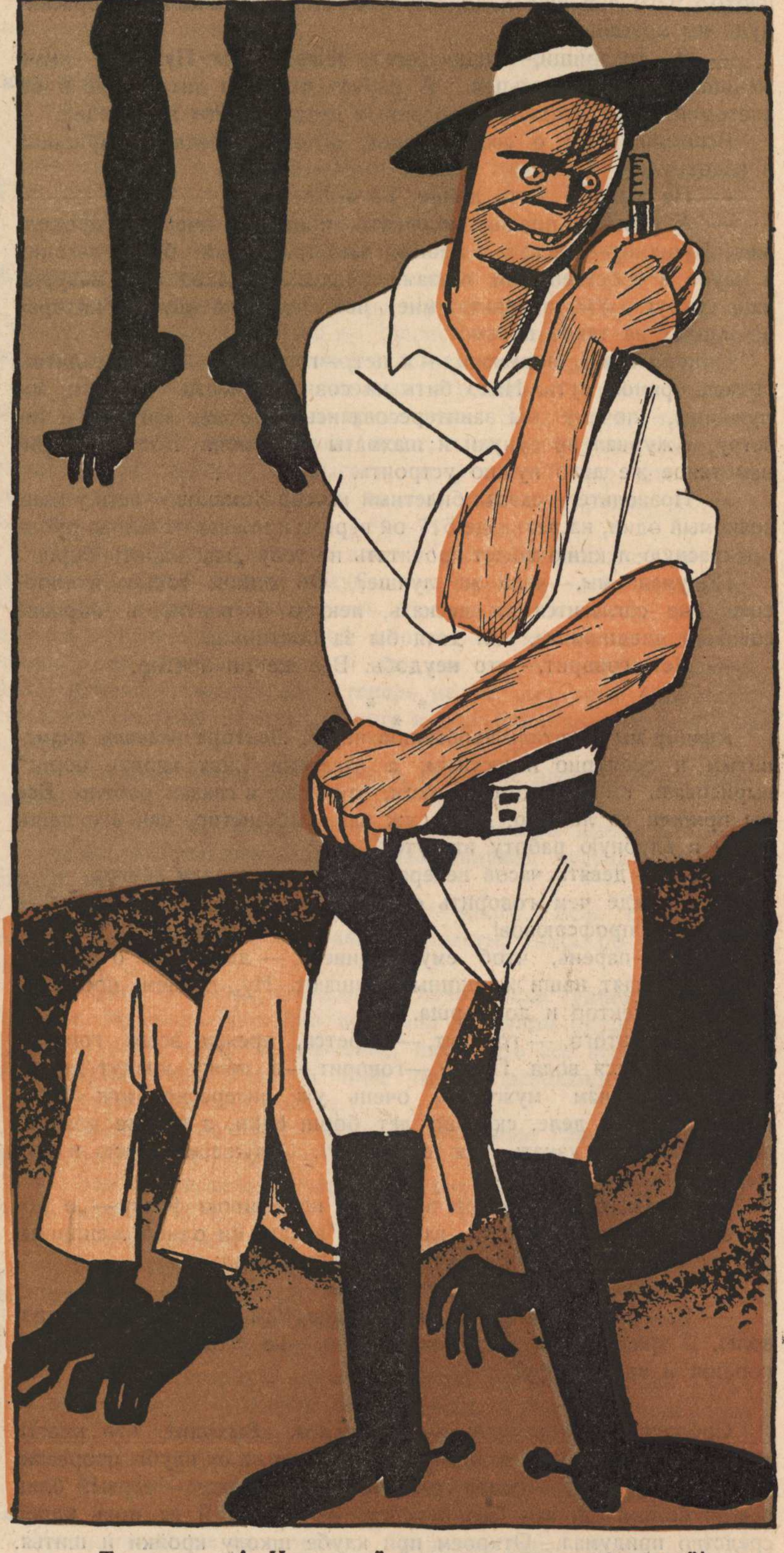
НАУКА ПРЕЖДЕ ВСЕГО!

Рис. А. Радакова.

Официально избирательное право признается за всеми гражданами С.-А. С. Ш., вплоть до негров, но каждый, кто хочет получить аттестат на стопроцентный американизм, должен доказать, что в нем содержится $^{15}/_{16}$ англо-саксонской крови и $^{1}/_{16}$ индейской. (*Кр. Газ*).

— Извините, гражданин, — я должен исследовать состав вашей крови...

— Так и есть! Ни одной капли англо-саксонской!

СВЕТ В НОЧИ

Колька - газетчик, был человек самостоятельный, родителей не уважал, курил только „червонец" и сплевывал через нижнюю губу с таким смаком, словно от расстояния, которое пролетит плевок, зависит, по меньшей мере, европейское равновесие.

Поэтому, когда он приехал на осень отдохнуть от столичной сутолки в глухую деревушку к единственной своей родственнице, тетке Анисье, от его лица веяло важностью и достоинством пробившегося в люди человека.

Тринадцатилетний Колька-газетчик сразу же стал центром деревенского внимания и образцом для всех босоногих сверстников, культурные познания которых кончались ближайшим железнодорожным полустанком и молотилкой дяди Еремея.

— Реклама, это вроде как бы двигатель,—важно повествовал Колька-газетчик собравшимся вокруг него ребятишкам.

— Ежели ты безголосый, грош тебе цена. Голосину в нашем деле надо иметь зычный и весьма, что ни на есть пронзительный, опять же и в политике надо понимать все до тонкости.

— Трудно это, поди?—поинтересовался кто-то из присутствующих.

— Привычка, ну и... практика. Небось и Чичерину спервоначалу не легко было, а теперь вон он... не хуже меня во все вникает. А главное; психология! Публику надо знать. Которому что. Совслужащий на разрыв англо-советских переговоров хорошо клюет, рабочие на повышение зарплаты. Нэпманы на новый декрет о налоге с предметов роскоши, студенты на чистку, старушки на послание патриарха Тихона — не сорвется. Ежели ж у трамвайной остановки, где, так сказать,

смешение классов и половое различие, там этакую окрошку приготовляешь: „Беседа Раковского с английским министром Пособи. Отравление курсисток солониной. Морган в Руре. Страшная тайна колодца. Электрификация Нарымского края“.

Колька - газетчик сплюнул, зажмурил глаза от удовольствия и мечтательно продолжал: — опять же междупланетное сообщение теперь в спросе. И хотя Юпитер, али там Марс, скажем, вроде как боги и опиум религиозного дурмана, одначе, на небе циркуляцию имеют. Тут уж голос понижаешь и выкрикиваешь эдак шопотком, с таинственностью и секретом, — купите, господин! Непонятные шумы на европейских радиостанциях. С Марса приняты таинственные радиотелефонограммы. Паника на Пулковской обсерватории“.

— Неужто так и кричишь: „на Пулковской обсертории?“

— Так и кричу! По вашему, по мужицкому, оно, может, и зазорно, а по-ученому понятно и прилично до тонкости.

— Ребята! Мой батька матку бьет! За волосья ей выволочку дает, хлестко, — шопотом сообщает вновь присоединившийся к группе оголец.

— Ну и дурак! огорченно роняет Колька-газетчик, — чего же ты об этом шепчешь? Эх, жаль, что тут никакой завалящей типографийки не сыщешь, а то бы сейчас экстренный выпуск „вечерних“ сварганили: „кошмарная драма на почве деревенского невежества. Избиение мужем своей единоутробной жены! Анкета среди видных работниц женотдела! Семашко о происшедшем! Снижение цен на волосяные изделия!“.. Сколько в нашей деревне дворов-то? неожиданно обернулся Колька к окружающим.

— 18.

— Значит, тираж издания 17 экземпляров, потому во дворе, где произошло событие, продавать газету опасно, бока наломают.

Темнело. Небесная экспедиция уже раскидала вечерний выпуск звезд.

Группа вокруг Кольки сидела завороженная.

Конст. Шелонский

МОЙ КОСТЕР В ТУМАНЕ СВЕТИТ...

Рис. Л. Бродаты

Эррио Позвольте мне признаться: я весьма не прочь погреть руки у вашего костра.

БОГУ — СВЕЧКА...

Рис. Б. Антоновского

— Передай, батюшка, — чтоб Николе-угоднику поставили... Да чтобы не кому другому, а ему, молитвеннику — пятьдесят свечей, заграничных...

РЕЛИГИЯ И АВДОТЬЯ
(Фактик).

От болезни в какой-то там полости
(Я в подобных делах не судья)
У попа из Андреевской волости
Упокоилась мать — попадья.
Хоронили „по чину“, как водится;
Пел дьячек умилительный стих,
Чтоб супругу попа богородица
„Учинила в раю во благих“.
Поп поплакал и вытерся рясою,
Да к чему здесь печаль и слеза,
Коль Авдотья ему толстомясая
У коровника строит глаза?
Шла работница с полными ведрами —
Набежала у бати слюна:
Эка крутит анафема бедрами,
Эка вертит плечом сатана!
Совладать-ли с греховною плотию
Да и важно-ль сие, наконец?
И поял себе в жены Авдотию
Неутешный и скорбный вдовец.
Поп с Авдотьей гуляет за ригою
(Был душой он не поп, а поэт).
Но восстал как один, за религию
Оскорбленный церковный совет.
И, изгнавши попа полувдового,
Чтобы снять окаянство и срам,
Пригласили священника нового
В пустовавший, заброшенный храм.
Новый поп пребывал в благочестии,
Не терзал его плотию бес:
Хлеба он насбирал пудов двести... И
Неожиданно как-то изчез.
И пошла богомольная братия
(Что сильнее трагедий и драм!)
Все за тем-же авдотьиным батею,
Позабыв окаянство и срам.
Снова батя гуляет за ригою,
Колыхая откормленный круп...
Наплевать, что „срамится религия“,
Лишь бы церковь не взяли под клуб!

Р. Волженин

МЕХАНИЗАЦИЯ плюс НОТ

Войдя в пивную, Варваринов сразу нащупал глазами форточника Мишку, прищурив глаз, кивнул головой и направился к его столику.

— Пару пива!—бросил он вертлявому малому, сновавшему между столиками.

— По амнистии?—спросил Мишка.

— А то как бы?.. Сейчас оттуда.

— За старое?

— А то как?..

Варваринов дико захохотал и разом опорожнил стакан пива.

— Сволочи, подождете теперь, пока без перчаток на работу выйду!

— Пальцы осенью отморозил?—хи-хи!

— Щенок ты!.. Дактилоскопии не нюхал.

— А чего ее нюхать? заместо кокаину что-ли?

— Дура-ак!.. Не слышал, что-ли, как пальцы оттискивают, а потом по следам и ловят?.. Вот этот раз из за оттисков и засыпался... Выдумали профессора да студенты науки разные... Из-за этих проклятых наук скоро из налетчиков в форточную шпану переходить надо...

— Какие штуки придумывают! — сердился Варваринов. Рупоры говорящие ставят и гудит на версту... А потом на каждом шагу поставят и чуть подозрителен мильтону покажешься, то уже не спасешься: по всему городу загудит, заголосит рупор: „доржите, граждане, человека со шрамом на левой щеке, в сером пальте и синей кепке“!.. И поймают! А то — говорят — фотография воздушная будет...

— Это как?—спросил Мишка и позабыл закрыть, в изумлении, рот.

— А очень просто: вслед за голосом в воздухе печатается и твоя, скажем, фотография...

— На бумаге?

— Да нет, прямо на воздухе, воздух делается сгущенным, и на нем электричеством печатается... тыщи три, а то и все десять портретов твоих так и носится по улицам и площадям...

— Люди, значит, на них наталкиваются?

— Чего наталкиваются, ежели они воздушные... Пролетит, скажем, по лицу заденет, как-будто ветерок пронесся... Летом даже приятно: освежать будут... Ставь еще пару!

Мишка вздохнул, но поставил и спросил:

— А как же, если много фотографий, разных преступников?

— Ерунда! Самое плевое дело: у каждой фотографии, т.-е. фотографической карточки, свой маршрут имеется, у каждой своя высота от земли... Да это что, братишка, это что!.. Мне один товарищ рассказывал, что в ниверситете опытная такая станция есть, где всякие чудеса обмозговывают. И все через электричество проклятое, все через радио, чтоб оно сгорело, окаянное!.. Примерно, поймали тебя через рупор и фотографию, так что ты думаешь? а?

Варваринов уставил на Мишку осоловевшие глаза. Мишка поерзал на табурете и сказал:

— Известно, в милицию.

— Дурак!.. В пневматическую трубу тебя засовывают, и сжатым воздухом тебя автоматически гонит, может, под всем Ленинградом, прямо в камеру следователя, следователь кладет тебя одним нажатием кнопки в такую машину, на голову направляет горное солнце и читает, как стенную газету, все твои думы... и видит он, что ты сделал и что ты хочешь сделать...

— Значит, нам—каюк?..

— Каюк!

— А, может, это брехня?

— Дурак!.. Служитель амбулатории рассказывал, он по ученой части: при врачебном кабинете уборщиком состоит... Следователь по радию судье докладывает, судья по радию приговор читает, потом тебя опять в пневматическую трубу—и доставляешься ты, в силу высшей меры наказания, на электрический стул, и без применения амнистии...

— А потом?

— Потом опять в трубу, и доставляешься ты в трупном виде в мусоросжигательную печь, а пепел с тебя идет на удобрение полей...

— Что же это такое?!—побледнев, спросил Мишка.

— Это, братишка, объясняли мне, есть: „механизация плюс НОТ“...

— Чем же бороться? — прошептал Мишка.

— А ты ставь еще пару—тогда и начнем бороться.

После „еще пары“ Варваринов уже бороться не мог: он спал, уронив голову на столик.

Исидор Гуревич

ПРАЗДНИК ТРАКТОРА

В одну из неурожайных губерний были присланы 50 тракторов-фордзонов. Был устроен праздник трактора.

Вот сажусь писать про праздник,
Шумный праздник на селе...
И лукавый бес-проказник,
Хохотун и безобразник,
Тут-как-тут навеселе:
Предлагает самогон,
Колокольный сладкий звон,
Двадцать-пять разбитых челюстей,
Три пожара, восемь драк —
И иных наивных прелестей
С верхом налитый бурак:
— Такова судьба поэтова —
Липнуть мухой в киселе...
Не опишешь, брат, без этого
Шумный праздник на селе!
— Эй, бесенок, п'шел к чертям!
Этот праздник нам не в праздник:
Приучайся к новостям:
Мы не бьем зубов гостям —
Намотай на ус, проказник!
Дым не гоним до небес,
Водки ведрами не мерим —
И в тебя, лукавый бес,
Тоже, чорт возьми, не верим!
Ты ведь только — шантрапа-с!
Ты века нас пас да пас —
Будет. Лопнуло терпенье.
Это, брат, тебе не Спас,
Не Покров и не Успенье.

По заданию редактора
Правя осенью весну —
Я пишу про Праздник Трактора...
Что, брат? Выкусил? Ну-ну!
Не служил обедни ранней поп.
Не крестил народ бараний лоб.
Вместо ранней да обедни
Был доклад —
Про старинные про бредни
В аккурат.
Мол, конечно, нам от прадедов соха—
Да уж больно она, светики, плоха.
Мол, конешно, служит правдою
Серко —
Да с Серком при многопольи
Не легко.
Деды-прадеды для нас-от не резон,
То-ли дело, скажем, ежели Фордзон...
И пошел, пошел, пошел, пошел,
Пошел —
Видно многое инструктор
Превзошел.
Трактор лентами украшен:
Происшествие!
Мы идем вдоль ленты пашен —
Что за шествие!
Впереди Петруха Мышин
С алым знаменем —
С алым знаменем, что пышет
Ярким пламенем.
Подошел тогда к инструктору кулак:
— Мол, дозвольте покалякать —
Так и так.
Мы, мол, тоже не отсталая орда —

Понимаем, праздник ежели Труда!
Объясните, мол, товарищ
фармазон,
Как бы это, то-ись, выписать
Фордзон?
Но инструктор отвечает кулаку:
— Власть советская, брат, очень
Начеку!
Не поймаешь, брат, ее на просто е—
Мы фордзоны-то готовим бедноте!
Разговор, брат, только время
Перевод —
Ну-ка, девки, ну-ка, парни,
В хоровод!
В хороводе были мы, были мы,
Старину забыли мы, были мы...
На машину я садился,
Под машиной сто колес:
Повезем мы за-границу
Рожь, пшеницу и овес.
Поторгуем мы с буржуем,
Скажем: будет, будь здоров!
Для деревни завоюем
Молотилок, тракторов.

Описал я до этого места
Новый праздник на новом селе:
Спрыгнул бес со стола, как с насеста,
И сконфуженно сгинул во мгле, —
Только листья зашуршали
Под окном на фикусе...
Я вдогонку крикнул бесу:
— На-ко-ся, брат, выкуси!

А. д'Актиль.

Ж У Т Ь

Рис. Н. Радлова.

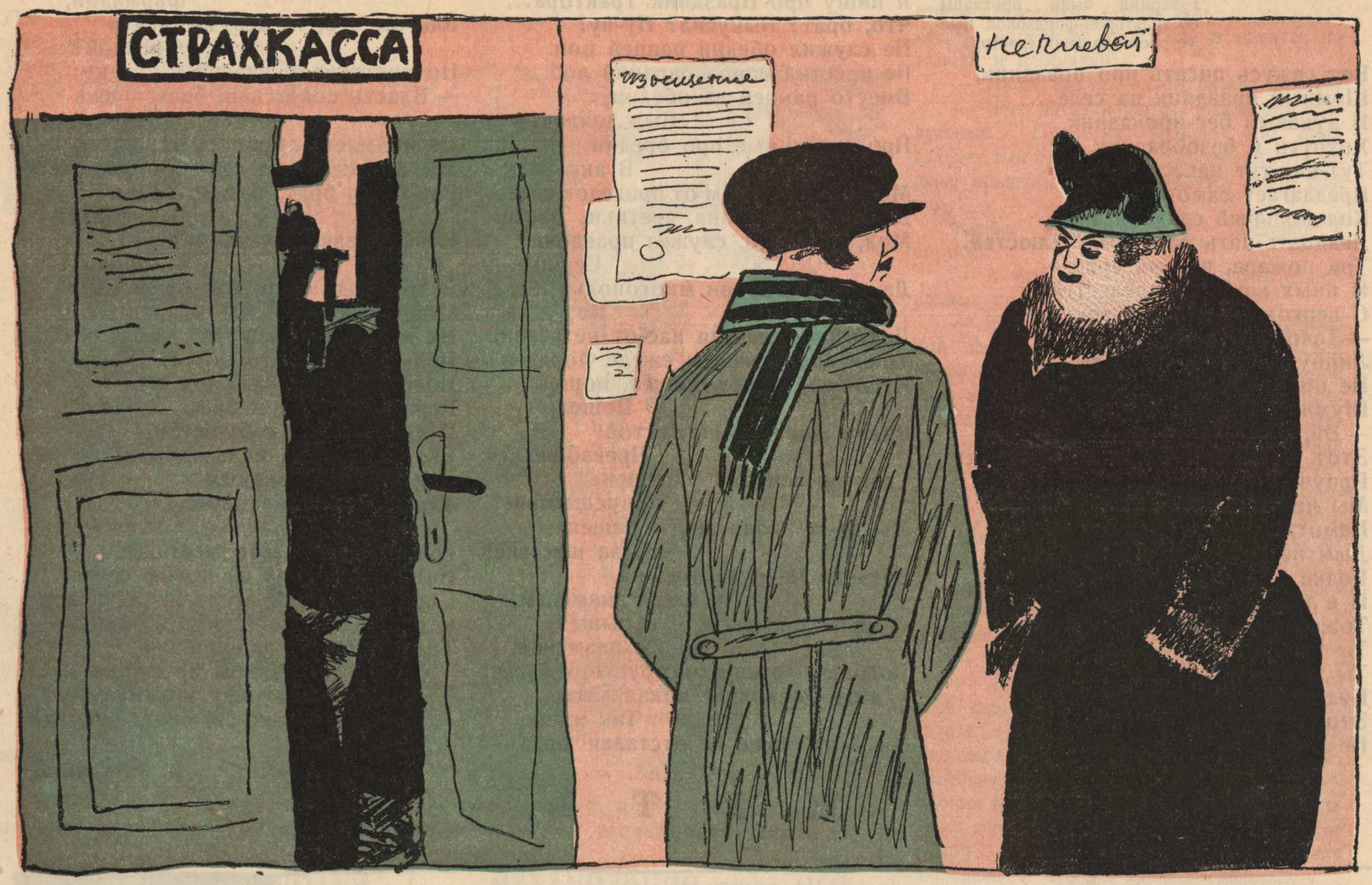

— Это кого-ж так лупцуют? Конокрада, что-ль?
— Хуже: — селькора!

СТРАХ ВОЗЛЕ КАССЫ

В седьмой московской страхкассе не раз бывали случаи, когда платили пособие в течение четырех месяцев совершенно здоровой женщине. („Труд").

Рис. В. Козлинского

— Четыре месяца здорова была,—пособие получала. А теперь боюсь, не дадут...

— Чего так?

— Заболела.

МЕХАНИКА

Хитры, изворотливы буржуи и капиталисты! Ох, как хитры!

Но такого ловкого буржуя и капиталиста, как бывший помощник младшего письмоводителя, Щепочкин, даже в Америке не найдешь.

Притулился Щепочкин в одном казенном учреждении, на должности 4-го разряда. На глаза никому не лезет, но и с глаз не пропадает. На службу является аккуратно, на собраниях голосует аккуратно, в процессиях на торжествах—кого другого нет, а он, Щепочкин, шагает аккуратно. Комар носа не подточит!

Предложили служащим индивидуальное кредитование.

И тут Щепочкин всех удивил. Кто на брюки записался, кто на сапожки, а Щепочкин—на всё: и на брюки, и на сапожки, и на пальто, и даже на дамскую кофту.

— На что-ж вам дамская кофточка?— спрашивали его:—человек вы холостой. Бог знает, зачем столько набираете—труднее платить будет...

— Ничего, пригодится... — задумчиво говорил Щепкин.

— Чудак! Как-же это может пригодиться мужчине дамская кофта?! Вы бы еще взяли белье дамское или, например, гребенки для волос!

— Можно. Запишите белье и гребенки.

Вскоре пришло предложение брать в рассрочку велосипеды. Никто не рискнул.

Но Щепочкин решил иначе.

— На меня два запишите.

— Два?! Куда вам столько?!

— Один для меня, другой в запас: из Сибири родственника дожидаю.

Когда Музпред открыл кредит на инструменты, Щепочкин и тут не задумался.

— Два рояля—говорит—запишите и одну духовую трубу побольше.

Хорошо-с. В один прекрасный день поднялась в учреждении суматоха. По всем этажам беспокойный шелест идет: щ-щ-щ-ще...

Докатилось и до Щепочкина. А он, как говорят рабкоры—и в ус не дует, и ухом не ведет.

— 50 процентов? Пущай — мне все равно.

Позвали Щепочкина в коллектив.

— Вы, товарищ Щепочкин, увольняетесь по сокращению штатов, с выдачей двухнедельной компенсации.

Вздохнул Шепочкин.

— Эх,—говорит:—плакала моя компенсация: на погашение долга по кредитованию пойдет.

— Ах, чорт—и верно, забыли! Следовательно, вам получать нечего.

— Прощайте... Не поминайте лихом...

Поклонился Щепочкин и пошел, не торопясь, как безработный.

С улицы его воротили спешно назад.

— Стойте!—кричат: — Обождите сокращаться. Оказывается, за вами большая задолженность: 2139 рублей 43 копейки.

— Есть, — задумчиво согласился Щепочкин.

— Так вы, товарищ, внесите всю сумму полностью, а тогда можете сокращаться.

— Нет таких денег у меня—задумчиво возразил Щепочкин.

— А если нет, верните забранное натурой.

— Не могу вернуть: сносил...

— Как это так сносили?! Вами взято: два велосипеда, два рояля, одна труба, — не считая костюмов, сапог и прочего...

— Сносил: и велосипеды, и рояли... У меня, знаете, очень быстро все носится... И прочее тоже сносил... Совестно возвращать, если, например, весь рояль в заплатах...

— Что же вы будете делать?—заскрежетали на Щепочкина.

— Не знаю...—вздохнул Щепочкин:— Пойду записаться на бирже.

— Ага! Вы думаете—так мы вас и отпустили?! А долг? Нет, голубчик, на сокращении нас не объедете! Ишь ты,—на биржу собрался!.. Ступайте немедлено на место, за работу. Не будет вам сокращения!

И теперь попрежнему сидит в учреждении хитрый буржуй и капиталист, бывший помощник младшего письмоводителя, Щепочкин.

Кругом всех посокращали, а он сидит— один в целой комнате с пятью окнами и тремя дверьми. И сократить его нет возможности.

И даже из 4-го разряда в 14-й перевели: чтобы поскорее долг уплатил.

Ив. Прутков

СКАЗКА ПРО БАЛДУ В 1924 ГОДУ

Текст В. Воинова *Рис. А. Радакова*

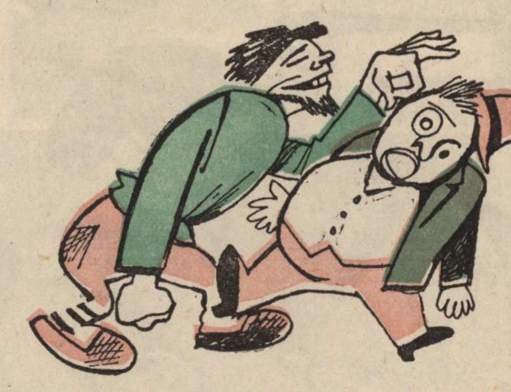

Эх, давненько это было!
Даже память позабыла,
В кои именно года,—
Жил в работниках Балда.
Те, что Пушкина читали,
Помнят все, поди, детали:

Как Балда явился в лес;
Как на берег вылез бес;
Как хвостом по ребрам хлопал;
Как Балда его обштопал;
Как в короткий очень срок
Получил с него оброк;
Как, дивясь его поступку,
Поп к жене залез под юбку;
Как работник мужичек
Закатил ему щелчок;
Как попишка кверху прыгал;
Как ногами крепко дрыгал;
Как на вечные века
Поп лишился языка.
Вообще, волынка эта
Хорошо в стихах воспета
У великого певца.
Но, увы, не до конца!
А конец—всего важнее,
А конец—всего нужнее,
Потому как наш Балда
Лишь во вкус вошел тогда.
Стал на свет глядеть мудрее:
Эка штука—иереи!
Выждал времячко и—хлоп:
Генерала прямо в лоб!
— Это что еще за вещи?—
Закричал ему помещик.
А Балда—не дурачек
И помещику—щелчок!
Повернул направо глазом,
Глядь—купчина за лабазом.
Козырять, так до конца:
Приспособил и купца.
Повернул глаза налево,
А у самого у хлева—
Деревенский кулачек:
Дал и этому щелчок.
А потом оправил ворот
И поехал прямо в город—
Из своих дремучих мест
На батрацкий первый съезд.

Выезжает на поляну
Прямо к морю-окияну,
Видит—Красный Ленинград
Подле моря в аккурат,

И—рабочие навстречу.
Ну, Балда им сразу речу:
„Пусть де помнят господа—
Я им больше не Балда!
Ни малейшего пардону—
Ни Парижу, ни Лондону:
Я и ихним господам,
Выйдет время, по-лбу дам“!
Тут уру ему вскричали,
Целым городом, качали:
Дескать, баста! Сгинул мрак:
Стал сознательным батрак!
И, конечно, по привычке,
Перешли сейчас же к смычке:
„Ты, да я, да мы с тобой“,
А потом—„последний бой“.

И, во время их пирушки,
Александр Сергеич Пушкин,
Слыша песни и пальбу,
Думал, лежучи в гробу:
— Эх и чешет мой Балда-то!
Разве мыслил я когда-то
Вековую тронув пыль,
Что из сказки выйдет быль,
Что встряхнет когда-то кто-то
Социальное болото
И одним ударом в лоб
Опрокинет рабство в гроб?!

ВЫБОРНЫЕ ЧАСТУШКИ

За деревней гнется ель
И поет о лете.
Кулачище лезет в щель,
Хочет быть в совете.
Не боятся бедняки
Никакой кометы.
Вы не лезьте, кулаки,
Не для вас Советы.

Эх, дороженьки у нас—
Кочки да ухабы.
В сельсовет прошли у нас
Две простые бабы.
Парасковья—баба бой,—
Знает все декреты.
Место бабищи такой
В волостном совете.

Н. Тихомиров

ЧУЖАЯ ШКУРА

Полагается тебе, как спецу и интеллигенту на гаврилку последний целковый тратить, ты и трать. Может, без гаврилки тебя и за человека никто не сочтет. Но Климов — печник, и если он настаивал, что одежда должна быть без различия классов, и у прогорелого артиста сюртук купил, то я тогда же сказал: либо ты сопьешься, либо тебе морду набьют.

А вышло еще хуже. Собрался он в этом сюртуке в театр и жене своей предложение сделал, но Авдотья отказалась.

Пошел он один. Разделся, конешно. За вешалку двугривенный заплатил и бесплатно у зеркала причесался. Ну и поступки у него сразу явились. На женщину, бывало, не взглянет, а тут на одну эдакую вытаращил глаза и молчит. Она улыбается. Климков подумал, что она так, без смысла, а она определенно ощерилась. Климков к ней:

— Если вы, говорит, желаете повеселиться, я могу вам шеколаду купить.

— Очень желаю, — ответила барышня.

Климков к буфету, но дорого показалось, и он в ларек рядом с театром сбегал.

— Ешьте,—говорит,—барышня,—при случае и другую плитку куплю, но скажите, как вы обо мне понимаете?

— Кавалер интересный, отвечает она.

— А замуж за меня пошли бы?

Она засмеялась и ножку подняла на ступень выше; чулок поправляет. Ноготь у ей чистый и юбка внизу с кружевами.

— Ведь вот, — думает Климков, — Авдотью мою, хоть убей не заставишь надеть такую.

— А вы женаты? — спрашивает барышня.

— Лет уже пятнадцать.

— Ну, это пустяк. За развод теперь мало берут, и вообще, говорит, теперь не только ответственные работники, но и сознательные пролетарии женятся на девушках с философским образованием, которые даже на сцене играют. Я говорит, без религиозных предрассудков, но скандалов ужасно боюсь, а когда разведегесь—я ваша.

Пришел Климков домой индюком. Авдотья зевает:

— Ну-ка, чего там в театре брехали?

— Ничего хорошего, а жизнь надоела мне,—брякнул Климков. Нужна мне женщина, у которой рука потоньше, с ногтями.

Слово за слово; Авдотья в сурьез повернулась.

— Я, говорит, на тебя чорта, конопатого, может, и сама давно наплевала бы, только за работой думу распущать не хотела.

И разошлись. Авдотья перебралась к знакомой прачке.

А Климков барышню—Лелей ее оказалось звать—к себе перевел.

Ну ничего. Легли спать в первый вечер.

— Утром проснулся он часов в семь. Тронул ее за плечо:

— Ставь самовар, Леля; на работу надо итить.

А она мычит и ногами дрыгает.

— Опоздаю, товарищи лаяться будут; дело артельное.

Она же опять в одеяло кутается. Климков рассердился:

— Вставай, — какого чорта? Раз ты жена печника, исполняй свою должность.

А она как взвизгнет, как заорет!

— Ах ты, сволочь копченая! Сюртук ответственного работника надеваешь, а сам трубочист беспартийный! Да я тебе, хаму...

Климков заткнул уши и бегом к Авдотье.

— Бей меня, режь меня, но как и у тебя дар слова есть, избавь от стервы.

Авдотья не долго кобенилась Раз или два плюнула ему в личность и пошла.

Климков под лестницу спрятался. Охота была послушать, как эта сосулька с ногтями в беспокойство придет. Авдотья-то шибко чижолая на руку.

Но ничего не случилось такого. Вышли они, и Авдотья ей говорит:

— Я бы и сама не вытерпела. Этакие ноготочки на пальчиках, да еще самовар ставь!

Так вот, граждане, что бывает, когда наш брат чужую шкуру наденет.

И. Ломакин

БЕРЕЗОВАЯ КАША

В Донбассе на крупном руднике „София" в рабстоловой посуды от рабкоопа не полагается. У кого нет своего бачка, кашу накладывают в картуз или полу рубахи

Рис. Н. Радлова

— Чего ж ты, дурень, такую шапку надел: совсем не по голове?
— Ничего, брат, — зато, по аппетиту.

КАМЕННАЯ БОЛЕЗНЬ

Наркомздрав и Наркомвнудел утвердили список болезней, дающих право на получение дополнительной жилой площади или отдельной комнаты.

Рис. Б. А.

— Выдрину-то, знаете, как повезло: захворал сразу на пять саженей, да плюс отопление, теплая уборная и услуги.

— И не говорите: я вот со своим хроническим насморком кроме как на полсажени, да и то в шестом этаже, и рассчитывать не могу.

САМОКРАЖА

По Сеньке и кличка!

В дер. Самокраже, Троицкой волости, при перевыборах в сельсовет и комитет взаимопомощи, в совет проскользнули два кулака: сынок бывшего торговца мародера — Чугунов Николай и его тесть Тухтин Пеша. Когда-то „Звезда" заклеймила Тухтина разжиревшим кулаком, но, видно, об этом крестьяне забыли.

После выборов „распределили" должности. Тухтин самолично назначил своего затя Чугунова председателем. Все члены молчали, потому перед воротилой Тухтиным никто пикнуть не посмел.

(Газ. „Звезда").

Эх! головотяпы самокражцы: сами себя обокрали!

СТЕНАНЬЕ

— Душно мне в этих стенах!

— Не с тех-ли пор, как появилась стенгазета?

* * *

— Миша, я папу сейчас смерил веревочкой — он такой же толстый, как был.

— Почему же он должен стать тоньше?

— А его сократили!.. У меня есть одна книжка в сокращенном издании — так она куда тоньше, чем в несокращенном.

НОВАТОР

— За что Петьку сгребли?

— На метрическую систему перешел.

— Как же так?

— А так: спёр 155 метров сукна.

КАРТИШКИ

На Украине, для поднятия профграмотности, придумали игру в профдурачки. На картах пишутся вопросы; проигрывает тот, кто соберет большее количество вопросов, на которые не сможет ответить.

Рис. Н. Р.

— Ф-фу! Век живи, век учись, а проф-дураком помрешь!..

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

БОЙ БЫКОВ

Жил-был город — назывался *Ганжа*. В 1804 году Ганжу переименовали в Елизаветполь. А нынче снова появилась Ганжа (б. Елизаветполь), и телеграфируют из Ганжи следующее:

ГАНЖА, 31. В городе появилась масса хулиганов и пьяных. Вчера двое пьяных, вооруженные кинжалами, напали на стадо быков и вступили с ними „в бой", изранив несколько голов скота.

Быки оказались приличнее: они не поранили ни одной головы напавших скотов.

И они вправе спросить (ибо не любят, чтобы их резали без толку!):

— Почему город называется Ганжа, а не Хулиганжа?

КОРЫТО

Старая пословица говорит:

— Было-бы корыто, а свиньи найдутся.

По сообщению „Правды" —

На Дулевском заводе работницам, идущим на собрание, — из-за косности мужей, приходиться брать корыто и говорить:

— Иду в баню.

А потом с корытом на собрание гореть и волноваться в строительстве новой жизни.

Обидно, что человек вынужден таскаться с корытом, а свинья дома сидит и жену ругает: зачем корыто унесла.

ТЕХНИКА И ЖИЗНЬ

Об одной оригинальной упряжке рассказывает газета „Рабочий Клич":

В с. Долгинине (Мурминск. вол.) в престольный праздник перепившиеся ребята впряглись в ноги милиционера Зайцева (тоже пьяного) и волокли его по грязной улице.

Удобно-ли милиционеру превращать свои ноги в оглобли?

На наш взгляд: неудобно и несвоевременно. В нынешних средствах передвижения обходятся без оглобель (см автомобиль, аэроплан).

А ежели ты — аппарат тяжелее воздуха, — налейся горючим материалом и лети.

Например, — со службы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Село Винодельное, Ставропольск. окр. Сельскому. Присланные „три стишка" не подходят. За отзыв благодарим.

Москва Маку. Напрашивается ответ: *Маком*! Но нельзя: Стихи не плохи. Напечатаем.

Пятигорск. Непонявшим. Нужно подписываться полной фамилией. Указание, что у вас „в голове словно копошатся кошки" — недостаточная примета.

Новороссийск. Стрекозе. Постарайтесь поумнеть.

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 19457. Типо-Литография „Красный Печатник". Ленинград, Международный, 75. Тираж 50.000 экз.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПИСЬМОВНИК
или
КАК ПИСАТЬ КОНСПИРАТИВНЫЕ ПОСЛАНИЯ

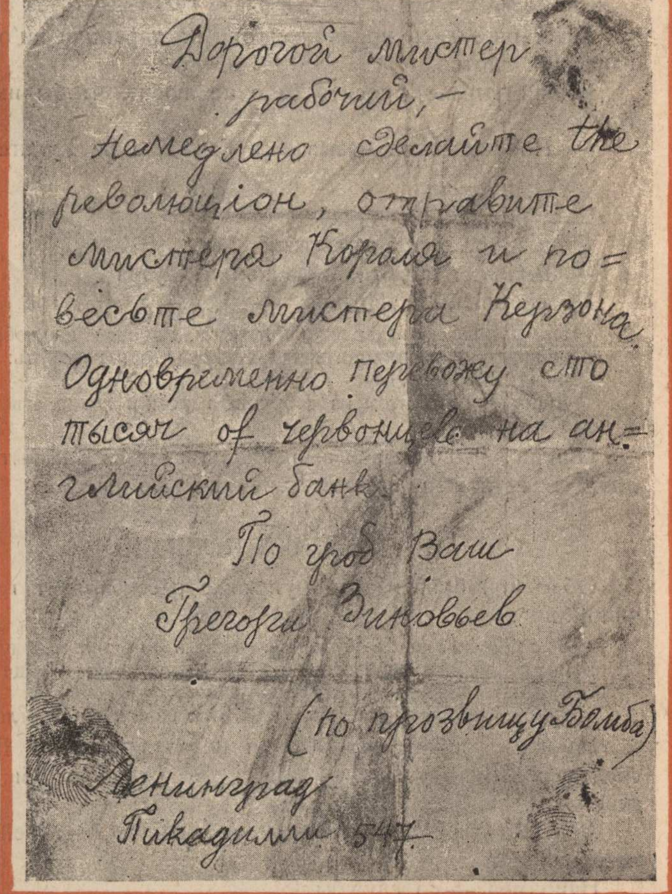
Рис. В. Козлинского

Сначала долго бредут по кривым переулкам Старого Сити, в поисках таверны „Кривой Глаз“.

Затем обстоятельно, за стаканом эля, объясняют что-то джентльменам в полосатых фуфайках.

И, наконец, получается письмо,—

Дорогой мистер
рабочий, —
немедлено сделайте the
революцион, отравите
мистера Короля и по=
весьте мистера Керзона.
Одновременно перевожу сто
тысяч of червонцев на ан=
глийский банк.
По гроб Ваш
Грегори Зиновьев
(по прозвищу Бомба)
Ленинград
Пикадилли 547.

подлинность которого не вызывает сомнения.